

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

НЕЧТО О
РИВАРОЛЕ

Петр Андреевич Вяземский

Нечто о Ривароле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24510445

Аннотация

«Ривароль, французский автор, известный в республике словесности по прекрасному переводу Данте, Рассуждению о всеобщем употреблении французского языка, мелкому лексикону великих мужей и по многим другим произведениям, был одарен большим остроумием. По мнению французов в уме Ривароля была и сила Монтескье, и пылкость Дидерота, и тонкость Фонтенеля, и острая живость Пирона...»

Петр Вяземский

Нечто о Ривароле

Ривароль, французский автор, известный в республике словесности по прекрасному переводу Данте, Рассуждению о всеобщем употреблении французского языка, мелкому лексикону великих мужей и по многим другим произведениям, был одарен большим остроумием. По мнению французов в уме Ривароля была и сила Монтескье, и пылкость Дидерота, и тонкость Фонтенеля, и острая живость Пирона. Язык и перо его были едки. Его сатирический лексикон великих мужей сделал многих ему врагами. Он умер на 47 году жизни; сия безвременная смерть не дала ему кончить некоторых сочинений, которые утвердили бы еще более славу его имени. Выберем здесь из книги, вышедшей в Париже под названием Дух Ривароля, некоторые мысли его острые слова и анекдоты из его жизни.

Животное, наслаждающееся свободой, бежит утолить жажду в ручье, который не притек бы к нему, тогда как реки и моря поднимаются влажными парами, и преобразенные в дождевые облака, орошают растение жаждущее, но прикованное к земле и ждущее к себе дождя. Человеку, одаренному неограниченною свободою и деятельною промышленностью, природа должна была приготовить одни только материалы. Закрытая завесою полупрозрачною, она и прячет от

него, а вместе и обнаруживает пред ним дары своей благодати. Итак, самим нам было суждено предузнать плодородие земли в употреблении ее металлов, вызвать из каменоломни здания и грады, истребовать от стад одежду, от лесов корабли, от магнита ключ морей; самим нам было предоставлено похитить песок у ветров, его развевающих, и сотворив из него стекло, обратить взоры наши на состав неприметного насекомого, или употребить его на открытие новых небес.

Человеку уединенному прилично иметь место в одной натуральной истории, и то еще в числе феноменов.

Печатание артиллерия мыслей.

Людей не надобно считать ни овцами, ни львами, а смесью тех и других. Тиран, усматривающий в них одну подлую покорность первых, и философ одну жестокую неукротимость последних, равно безрассудны и виновны.

Память всегда готова к услугам сердца.

Немного философии отдаляет от религии, много философии сближает с ней.

Критик, скупой на время, ищет пятен в Расине, а красот в Кребильоне.

Монтескье теряется часто во множестве облаков, его окружающих; но частые молнии спасают его.

Чтоб в литературе достигнуть до чего-нибудь нового, надобно переставлять выражения, а в философии переставлять мысли.

В свете мы видим вообще более ума, нежели дарований:

общество богато умными людьми, а бедно людьми с истинными дарованиями.

В больших городах невинность последняя добыча порока.

Зависть, которая шумит и кричит, всегда неосторожна: страшитесь одной молчаливой.

История отнимает всяких мужей у забвения, сего безмолвного и жестокого тирана, следующего вблизи за славою и пожирающего в глазах ее достойнейших ее любимцев.

Делиль, в поэме Сады, занимаясь судьбою каждого стиха, не думал о жребии целого творения.

Ничто так часто не бывает в отсутствии, как присутствие ума.

Мирабо на все готов для денег, даже и на доброе дело.

Читать Барема, слушать Арно и дурно обедать: вот то, чего я желаю своим врагам.

Сын Бюфона есть беднейшая статья в натуральной истории отца.

Единственный великий муж, оставшийся ныне в Европе после смерти Фридриха Второго, есть необычайная Жена, управляющая Россиею.

Кондорует пишет опиумом на свинцовых листах.

Суд нравственности ужаснее суда законов. Первая требует не только чтобы мы избегали зла, но чтоб мы делали и добро; чтоб мы не только казались, но и на деле были добродетельны, ибо она ссылается не на общее уважение, которое можно легко похитить, но на собственное, которое вас

иногда не обманывает.

Мы никогда так много не плачем. как в возрасте надежд; но однажды их потерявши, уже на все смотрим сухим оком.

Всякий возвышающийся человек уединяется, и можно сравнить иерархию умов с пирамидою. Камни, находящиеся ближе к фундаменту, отвечают пространнейшему кругу и имеют много равных себе; но чем более идешь вверх, тем более круг уменьшается, и наконец вышний камень, оканчивающий пирамиду, не принадлежит ни к которому кругу: он один.

Природа гремит в ушах ученых людей тогда, как едва журчит в ушах светских.

Однажды за ужином в Гамбурге Ривароль заметил, что несколько из присутствующих старались понять острое слово, вырвавшееся у него между многими другими: смотри, сказал он французу, сидящему подле него, немцы делают сбор, чтобы понять и истолковать шутку.

Какой-то дурак хвастался перед ним, что он говорит на четырех языках. Поздравляю вас! сказал Ривароль: вы имете всегда четыре слова для одной мысли!

Некто прочитал ему длинное и скучное сравнение Корнеля с Расином. Ваше сравнение прекрасно писано, но оно немного долговато, и я вам советовал бы сказать просто: одного звали Петром Корнелем, а другого Иваном Расином.

Аббат Беливиер просил у него эпиграф для нового какого-то своего творения. К сожалению, могу вам служить од-

ною только эпитафиею – отвечал Ривароль.

Ривароль не уважал Флориановых дарований. Однажды встретив его на улице с большой кипой бумаг в кармане, сказал он ему: Ах! милостивый государь, если бы вас не знали, то вы бы верно бы ли обкрадены.

Он говорил об аббате Вонсене, творце многих надгробных речей: Никогда так сильно не чувствуешь ничтожности человека, как в прозе сего оратора.

Его эпиграммы делают честь его сердцу, сказал он однажды о каком-то неколком остроумце.

«Вестник Европы», 1810 год, № 13